

Да вы, наверное, не только слышали, а может, и знаете эти сёла хорошо, Мамалаевку-то и Алексеевку, а многим и не раз, и не два, а и почаще по случаю какому иль по делу доводилось в них бывать. В сторонку от главной дороги они уходят. Алексеевка с горы прямо в овраг скатывается, да так долом по бережку речки домами и идёт, изгибается. Когда по горушке-то к ней спускаешься, то издали дома навроде как врассыпную по ней, словно в разны стороны, каждый сам по себе, разбегаются. А въезжаешь в село, всё чин-чинарём становится, как и положено в примерном селе: по-аккуратному, правильно жильё стоит, ровненькими улочками, переулочками себе течёт, потому распорядку, что ещё в старину деды-прадеды установили. Да хоть в какую пору: будь то

---

* В рассказе сохранён говор уральских станиц

зима иль весна, лето иль осень, всегда-всегда это местечко привольно и уютно высматривается.

Особенно красиво оно в конце весны, перед самым началом лета. Идут от долины, взбираются по обе стороны на взгорья, расходятся далеко и широко свежей яркой зеленью, словно отмытые первыми, жданными дождями, всходы хлебов. Ещё не густая, ещё не окрепшая сень лесопосадок, рощиц, больших и малых дубравок — среди полей, возле дорог и в отрогах холмов — ждёт светлую зелёною молодой листвой, ещё не прохваченной сквозным, тяжёлым, хлёстким и колючим дыханьем степных суховеев, не покрытой ещё унылой тусклой пеленою дорожной пыли — ждёт-пождёт пригожих, полных очарования и тепла, щебета и ликования птиц — своих будущих летних дней.

Блескучие сетки марева пляшут, мерцают над напитанной далеко впрок вешними водами, вдосталь прогретой знойным, почти летним солнцем, над начинающей покрываться еле видной пеленой всходов жирной чернозёмной землёй. Из-за лесопосадок, из-за холмов, из-за кромки горизонта по белёсому высокому небу весело, словно играючи друг с другом, пролетают лёгкие облака, отправляя на землю свои почти призрачные, еле взглядом уловимые маленькие стремительные тени. Внизу, на дне своей родимой долины,

возле речки дремлет Алексеевка. Под негустой ещё кроной наших привычных, вездесущих степных деревьев: клёна, вяза, осокоря — по-летнему затаились домишки и дворы. От знойного солнца поникли ветви деревьев. А солнышко не унимается, будто только готовится перейти на летний припёк. Нега, покой растекаются над селом. Как всегда, на своём извечном вольном выпасе-самопасе — вездесущие куры роются прямо на улице, возле заборов, на лужайке. Дремлет телёнок, пристроившись в тени возле сарая, утомлённый зноем, отдыхает. Исправно, точно по своему времени разгоняя полдневную тишину, прокукарекивают петухи. И кажется, нет сейчас места прелестнее на земле, чем здесь. Со взгорушки, сверху, перед тем, как спуститься к селу, оглядишься вокруг — от раздолья аж дух захватывает.

Но не забыл я и про Мамалаевку. Ах, ведь тоже замечательное село: плотное, людное. Столько улочек, переулочек в Мамалаевке! Коль приключится тебе туда новичком попасть, то не мудрено и заплутать; ну уж не затеряешься совсем, а напетляешься с достатком.

Рощица, лесочек от речки и от околицы тополями, вёглами на главную улицу забежать норовят. Выйдешь с улочки из села на простор — и вот она, реченька Самарушка, размахом приветливым тебе навстречу

выкатывается, поворотом-излукою к селу прибивается, бережка покатые промывает, травушку, с бережка свесившуюся, водными струями трогает, перебирает, весело на перекатах играется, сверкает.

Тесной гурьбой от пыльной дороги спустились к реке ивы. С извечной задумчивостью и грустью, с покорностью всему стоят они на берегу, склонив свои кудрявые, густые кроны к воде, пустив поникшие длинные ветви на стремительный разбег реки, полощут их в белёсом бурлящем течении.

За селом обступил со всех сторон дорогу, толпится тополями, осокорями, вёслами тенистый лесочек. Уютное, приветливое место, особенно в летнее время. Найти здесь могут всегда приют от зноя и жары и человек, и животное любое. В обеденное время сюда на водопой пригоняет пастух коровье стадо. Неподалёку от берега под ивами и вёслами пережидают жару и солнцепёк, нежатся прохладой кормилицы-бурёнки. Петляет речушка: то покатым бережком к степи выскользнет, то опять в прибрежном лесочке скроется.

Если доводилось мне и не-праздным, может, обычаем, а, как зачастую это бывало, по своим заботам каким-то посетить эти сёла — каждую поездку я принимал, а потом и вспоминал, как выпавший в черед будней счастливый случай, выбранный мне судьбою на радость.

Хочется остановиться, постоять почти у каждого, таящего уклад не одного поколения людей старинного, ещё пятистенком построенного домика; прильнуть к палисадной ограде под тень тополька или клёна, посидеть на скамейке возле ворот и словно взглянуть назад, в седую даль годов, представить, увидеть это старинное, сейчас состарившееся жителями, село молодым, оживлённым, полным гомона, писка и визга детишек на улицах, шума, веселья, крика и смеха парней и девчат на весенних, радостных уличных вечёрках, на взбитых танцами лужайках — «пяточках».

Допрежде, в старину-то, в далёкое от нас время, деды и прадеды коренных жителей этих сёл обычая казачьего держались, казаками считались, к военному сословию относились. А сёла велись, расширялись, росли, числясь, прозываясь станицами. Станица Мамалаевская, станица Алексеевская. И там, значит, и тут — казаки. Только в Мамалаевке население мордовское, а в Алексеевке — русское. Там — мордва, здесь — русские, а служба одна — государственная. И получается ведь, что доля-то казака разворачивается в сельском обитании не совсем так, как у обыкновенного хлебопашца-крестьянина. Эх, казаку намного труднее приходилось, чем крестьянину! Двойное ремесло тянул казак одновременно.

Находясь в военном сословии, ратную службу он нёс. На защите Отечества, при ружье на плече, с пашкой на боку — постоянно был начеку, в каждую секунду готовый собраться к походам далёким, испытаниям военным, для защиты и обороны стороны своей родной. Помимо каждодневной воинской повинности таким же важным, главным делом он нёс и крестьянскую долю. Обихаживал свой кровный уголок, содержал хозяйственный сельский уклад: косил сено, выращивал скотину, сеял и убирал хлеб, кормил и себя, и свою семью, и государство.

А рассказ свой я веду к тому случаю, что когда-то давным-давно произошёл-приключился между этими сёлами.

Эти станицы почти в одну пору заложены и застроены. Земельные угодья в обеих станицах были одинаковы. Земля распределялась, как велось у казаков, на каждого жителя поровну. А потом оказалось, что у мамалаевских сельчан посевных наделов на каждого человека намного больше, чем у алексеевских станичников.

По этому поводу байка в нашем районе гуляет. Старики правда, утверждают, что это не выдуманная история, а истинная правда. Они сами слышали этот рассказ от своих дедов и прадедов. В рассказе этом, может, что-то и прибавлено, как и полагается, для задористости

и забористости, для густоты и ядрёности, для убедительности его, а может, что-то и убавлено — это теперь, видно, одному Богу ведомо, а мы никогда не узнаем. Да и не надо, может, нам этого знать.

Дружно жили две станицы. Ни распрей, ни ссор, ни споров, ни раздоров ни из-за земли, ни из-за чего другого.

Но пора ли такая подошла, нужда ли заставила, срок ли для перемерки земли подошёл — неведомо нам, но решили власти межевой раздел полей между станицами сделать. Все замеры-обмеры было принято проводить по весне, перед посевной.

Как и полагается, собрали землемерную комиссию — по два человека от каждого села. Руководить назначили казака опытного, бывалого. Назовём его бригадиром. Обошла, оглядела комиссия поля, прикинула, как сподручнее вести раздел и правильной установить границу. Потянули межу. Два человека с одной стороны — от Алексеевки тянут, два человека с другой — от Мамалаевки идут.

Бригадир — командует, обзор ведёт, советует: «Так-то и так-то, мол, ребяташки, делайте, а тут вот так-то». Без начальников нигде и никак нельзя. То с мамалаевской бригадой идёт: как отмерять — показывает, то алексеевским ребятам ума даёт. А где и сам за саженьку берётся, землю отмахивает-отмеряет.

А время идёт. Притомились мамалаевские казаки, подустали. Решили отвлечься, передохнуть. Остановили сажень. Оставили заметинку, ветку в том месте, где остановились, воткнули её в землю, отошли в тень к кусточку.

Мамалаевский землемер приостановился в тенёчке, прислонился к кусту цветущего орешника, да в тени — от тепла и покоя, от сладкого весеннего пьянящего дурмана цветения — сомлел, склонил головушку да и задремал.

Товарищ его о сажень облокотился, опёрся об угол её, подложил руки под подбородок, призадумался. Смотрит, смотрит, как будто в первый раз всё вокруг видит. Боже, хорошо-то как, красота-то какая повсюду! Птицы щебечут, солнышко, поднимаясь, переливается, лучами играет. Так светло, так чисто, так спокойно на душе. Благодарная какая в мире стоит! Очарованный сиянием ясного тёплого дня никак землемер не может оторвать свой взгляд от полей, от холмов, от цветущего, переливающегося весенними красками мира. Так радушно на душе! Так дивно вокруг, Господи!

А межа алексеевских землемеров упиралась в маленькую лощину, рассекая здесь реденько ютившиеся заросли чилижника. Прошумели кустами, делая обмер, алексеевские казаки, да и вспугнули затаившегося здесь зайца. Порскнул обомлевший

заяц отсюда, выскочил из кустов, да по зайчьему своему обычаю и ну стегать по полю вскачь, стрелой пустился, так и стелет, так и стелет прискоками-припусками; выше ушей своих задние ноги закидывает. Мчит, от страха и ужаса ничего перед собой не видит, летит напрямик на мамалаевских землемеров. Их за кустами не видно. Один под кусточком лежит, заснул уже.

А второй-то всё так и смотрит — не насмотрится, видом весенним любит, никак оторваться от чудесной картины не может.

И вдруг перед собой видит: прямо на него вприпуск заяц летит, вот-вот в руки к нему влепится. Обомлел землемер от неожиданности и удивления, никак в себя не придёт. Хочет товарищу крикнуть, подивить его: мол, заяц! заяц! На мордовском языке заяц — «нумыл». Хочет выговорить, крикнуть: «Нумыл! Нумыл!» Да ничего вымолвить не может. Словно речь казак потерял, позабыл, как слова произносятся. Стоит, только руками яростно машет — туда-сюда, вверх-вниз, воздух хватает, ладонями пустоту перебирает, губами шлёпает — словно пузыри пускает, мычит и пыхтит, а слов-то нету!

Уже перед самым кустом и заяц увидел землемера, останавливаясь с разгона своего, аж землю пропахал лапами, чуть не уткнулся, не влетел в мамалаевского

казака. Да что же это такое?! И тут люди! В стойку от ужаса и удивления встал. Потом вымахнул в сторону прыжком, и прочь, прочь от этого места! Ещё пуще, чем ранее от алексеевских, испугнувших его землемеров, прыжками-скачками припустился он по полю, прижав к спине от нового страха уши.

— Нумыл! Нумыл! Заяц! Заяц! — пришёл в себя от оторопи землемер, выдал наконец, выкашлянул слова, заполошено зашёлся криком. — Нумыл! Нумыл!

Словно взлетел, будто вихрем его встряхнуло, ветром приподняло, вскочил дремавший под кустом напарник. Ещё и дрёму с лица не отряхнул, веки как следует не разомкнул, глаза не протёр, света белого от сна толком ещё не видит и не поймёт никак, что к чему, слышит только крик своего товарища: «Нумыл! Нумыл!» И уже сам, вопрошая, вслед товарищу истошно вопит:

— Косо нумыл? Косо нумыл? («косо» с мордовского на наш язык означает: где?) Где, заяц, где? — кричит на всю ивановскую.

А заяц уже маленьким серым комочком мечется вдали у холма.

Алексеевские землемеры и бригадир слышат крики. Да никак не различат, не поймут, что кричат идущие им навстречу соседи, чего они хотят? Крики громче. Донесло эхом, прикатило

раскатисто ветерком — яснее крики. Уловили алексеевские казаки слова: косо! косо!

— Никак, указывают нам, — спохватился бригадир, — что неправильно мы вроде обмеряем — криво. Давайте-ка, ребята, выпрямим между — сдвинем в сторону чуток сажень, подадим сюда, к лесочку ближе. Сделали так, как указал бригадир.

— Косо! Косо! — с противоположной стороны поля слышится опять истошный крик.

— Вишь, опять неправильно идём, не в толк между ведём, переправим-ка, ребята, между, — командует бригадир, — ещё сюда, поближе к лесочку. Давно не измеряли местность эту, позабыли, где раздельная борозда лежала. Соседи-то, вишь, помнят всё до кусточка.

Сдвинули сажень всего на шаг, а направление-то межю изменилось, пошло уже другим путём. Клин земли, получается, отхватывается от прежнего алексеевского надела. Не замечают этого алексеевские землемеры и тянут между далее, навстречу соседям, ведут прямо в руки им свою кровную землю.

Зайца, как говорят, уж и след простыл; через секунды, не то что простым глазом, а и охотничьим зорким взглядом не рассмотришь, в бинокль и то, наверное, не разглядишь. Куда там! Вон он вдали, покуда еле-еле заметным малюсеньким пятнышком катится по склону

холма. Пятнышко ещё больше уменьшилось, перешло в почти неразличимую точку, которая слилась с мерцающей над землёй под солнечными лучами дымкой марева, — прощально всплеснулась, блеснула движущейся искринкой и исчезла совсем в яркой зелёной пелене берёзового лесочка.

Алексеевские казаки тем временем продолжают тянуть межу. Не слышно криков с того края поля.

— Ну, значит, правильно теперь идём. Угомонились наши соседи. Тихо.

Отмеряют мамалаевские казаки саженью землю, навстречу своим алексеевским шабрам межу тянут. И не заметили ошибку, не заметили неладное, что соседи-то изменили направление, не навстречу им межу ведут. И алексеевским землемерам невдомёк, что они у себя целый угол отхватили, от себя свою родную землю мамалаевским станичникам отмахивают.

Подтянулись друг к другу землемеры, встретились. Закончен обмер земли. Талинки, ветошки по меже поставили, раздел подтвердили-утвердили. Приметы — заметы местности, где граница идёт между мамалаевской и алексеевской землёй — в акт вписали, подробно опись сделали и в документе расписались. Хоть завтра можно посевную открывать, в поле выходить, землю пахать.

Так и ушло алексеевское поллюшко-чернозёмушко, урожайное, плодовитое, ровнёхонькое, без холмов и запупырин — к мамалаевским казакам.

После только спохватились алексеевские жители, что обмишулились землемеры, потеряла родная станица вековечное своё поле. Стали требовать возвращения своего угодья, настаивать на создании новой комиссии по обмеру земли, чтоб по справедливости, по-прежнему, так, как раньше она шла, установить разделительную межу.

А мамалаевские казаки в долгий ящик дела посевные оставлять не стали, время зря не теряют. Рады судьбе и такому подарку. Какое поллюшко-раздольюшко выпало, прибилося к ихним угодьям. Прибытную, как с неба свалившуюся, к мамалаевским наделам землю, сrazки и приоблаполучили, своей засчитали — будто сроду была в собственности у них. Не раздумывая, на следующий же день обмер наделов сделали и разделили приполученное поле между собой. Вот счастье привалило! Крепко, обеими руками вцепились мамалаевцы в новую свою землю, да и в оборот её тут же запустили, в эту же посевную запахали и засеяли.

Алексеевцы и на словах — вслух, и на бумаге — пером на несправедливый раздел земли в прошениях-заявлениях в главное войсковое управление

указывают, жалобы-обиды свои изливают, во всех казачьих и иных канцеляриях пороги обидают, во все инстанции, куда можно пожаловаться, — стучатся, пробиваются.

У мамалаевцев взошли посе­вы на новом полюшке. Дружно всходы растут, поднимаются. Зреет, зреет хлебом поле. Наливным, крупным зерном колосья напичканы, навтыканы. Нива-то, нива-то, густая, да высокая — под ветром вразмах, туда-сюда, как в море волнами, так и ходит, колышется. Под тяжестью колосья головки свои клонят, в твои ладони зерном просятся.

А у алексеевских казаков дело не клеится, никак на желанный лад не идёт. Не берут всерьёз на пристальное рассмотрение спор о земле никакие канцелярии: ни казачьи войсковые, ни судебные. Отписочки делают, ссылаясь на решение той самой землемерной комиссии: оно де справедливо, разметка между мамалаевскими и алексеевскими наделами проведена как положено, как требуется. Установленный комиссией раздел земель между станицами считать действительным и правильным.

Пока суд да тяжбы, а время летит. Уборочная пора под­стёгивает, подступает. У мамалаевских жителей на новой прибитной земле отменный вышел урожай, казаки к уборке готовятся.

Не унимаются, не сдаются, перечат судьбе алексеевские жители. Не смиряются с обидой, потерей своей земли, в высшие инстанции обращаются, к правде своей стараются пробиться.

Дошло дело до наказного атамана всего казачьего войска. Прочитал он жалобу, повертел, потряс бумажкой туда-сюда: «Надо решать! А как решать? Комиссии новые посылать? Иль дел других поважней нету в казачьей канцелярии? Сами землю отдали, а теперь кулаками в грудь стучат, правду ищут, справедливости требуют!»

Погорячился, походил по кабинету, поворчал, да и в досаде тоже не стал пересматривать спорное дело — отмахнулся. Мнение своё в указ вывести приказал, подписью, большой гербовой печатью его закрепил. Вестовой самолично прямо в руки алексеевского станичного атамана его сдал.

Делать нечего. Собрал тот казаков, сделал огласку при­сланного указа. «...Решение земельной комиссии по обмеру угодий станиц Алексеевской и Мамалаевской и установлению межевой границы среди указанных угодий, — от сего года, такого-то числа, месяца, подписанное оных станиц атаманами, признать правильным и справедливым. Впредь передел границ земель между оными станицами не учинять, разделительную между, согласно решения этой

комиссии, оставить такой, какую она сейчас есть».

Заполошились, зашлись гневом от такого полученного известия алексеевские казаки, кричат, галдят, негодуют, волнуются. А ничего уже нельзя поделаться. Решение ясное, ответ короткий. Артачиться, протестовать теперь бесполезно. Плетью обуха не перешибёшь. Выше войскового управления обращаться уже некуда. К царю-батюшке с жалобами идти, правду искать — далеко. Через препоны, заслоны всяческие чиновничьи пробиться в столице трудней, чем здесь — дома. Да и с крутым накладом выйдет. Не по средствам нашим казакам такая затея. Да и заботы у царя-батюшки поважнее, посложнее — не чета этой заботушке, что с государственной той, столичной высоты комариной вознёй на болатной кочке, небось, кажется.

А в эту пору соседи их, махлаевские казаки, с новой своей земли к уборке урожая приступили. Косят, жнут, молотят — закрома наливным отборным зерном засыпают.

Алексеевские же казаки покаючились, погорюнились (теперь уже потихонечку, друг дружке), пожаловались на сотворившийся с ними казус с землей, посочувствовали себе и каждому — да верные казачьей своей привычке — к застолью повернули!

Эх, да за разговором за бражным другие мысли потянулись —

повеселее и просторнее на душе стало. И грусть сразу куда-то закинулась, исчезла. Улыбаются, сидят казаки за столом, рады поводу дружбой и словами, как бывалочи, стакнуться. Эх, вдоволь хоть за разговором отдохнуть сейчас. Да что о плохом всё речь-то вести?! Хватит! Забыли!

Во хмелю да в веселье вечер пролетел, за полночьку перемахнули гуляньем. Обиду свою за утерянную землю никто сейчас не помнит. До зари до утренней душу казаки отводили. А утречко наступило — будни за собой ведёт. Сельский обиход держать надо. Скотинка мычит, корм требует, хозяев поднимает, к заботам зовёт.

А атаман опять на сход сельчан требует:

— Что, мол, дальше-то, станичники, делать будем? Ну, ушла земля, смирились с этим — и ладно. Ничего не поделаешь, через указ не прыгнешь. Взамен ушедшей земли какой и где прибыток искать будем, удачу свою вычакмаривать? У кого, можа, за ночь мысли, соображения высверкнули, нужные к этому разу?

Кто-то из дальнего края толпы с помятым от ночного хмельного бденья лицом может, просто с досады, первое, что на ум ему пришло, взял да и брякнул:

— Да что искать новую-то, другую землю, — своей хватает! Что об утерянном горевать, когда

осталось своего с избытком. Поглядите, вскиньте головы! Она у нас готовая, земля-то. Вспомните покосный угол на самом стыке меж соседними уральскими станичными полями и нашей стороной. Отдыхает который год, с неё и возмём, и покроем убыток, да ещё с прибылью останемся!

Как тут всколыхнулась, закачалась толпа. Подхватили, зашлись опять, одобрительно загудели, зашумели казаки.

— Самое место — целинная, бережёная, залежная земля. Хороший там урожай выйдет! Вдоволь отдачей обернётся! Вот и отквитаемся за потерянное, и возместим убыток, — дружным согласным хором поддержала толпа негаданно появившуюся, вызревшую ещё вчера во время гулянки, выскочившую наконец

на белый свет утряску-развязку земельного вопроса.

И выгадали! Земля целинная дюжей оказалась, богатой, ответной на человеческую заботу и радение. На следующий год круто прибылью обернулась — да ещё какую!

Приободрились алексеевские станичники — в прежний удовольственный вид пришли, подняли голову. Ну, как и водится, и бывает у казаков и прочих всех жителей, при благополучии и достатке, заважничали, в себя то есть окончательно пришли.

И подружились опять, и зажили в дружбе, согласии и товариществе, как и прежде, — одною своею привычною судьбой, родным укладом, — и с мамалаевскими жителями, и со всеми своими другими соседями казачьего и не казачьего сословия.

*Поздравляем Николая
Александровича с 70-летием!
Желаем здоровья,
вдохновения, верности
своему призванию!*